

ВЫСОКИЕ ОРБИТЫ ТВОРЧЕСТВА

ЛАУРЕАТУ ПРЕМИИ КРАЙКОМА ВЛКСМ ИМЕНИ Н. ОСТРОВСКОГО ПИСАТЕЛЮ АНАТОЛИЮ ЗНАМЕНСКОМУ ИСПОЛНЯЕТСЯ 60 ЛЕТ

«Каюсь, начал я читать «Иван-чай» по обязанности, но вскоре роман захватил меня, и я уже не выпускал его из своих рук... Все мне интересно в этой книге — и свежее чувство Севера (я — северянин, завидовал тебе), и люди твои, и события, которые ты умеешь вязать в крепкий узел...

Желаю тебе новых успехов, я верю тебе! Писатель Знаменский мне интересен.»

(Из письма Федора Абрамова Анатолию Знаменскому).

В ЖИЗНИ каждого писателя наступает момент, когда он подводит итоги, оглядывается назад, мысленно уходит, как это ни прискорбно, в уже — увя! — далекое прошлое. Он вспоминает год первого спутника, когда над нашей Землей взметнулось чудо из чудес. Он задумывается над тем, откуда явилось это чудо, что же было раньше, в годы войны и после, когда мы были разорены и молоды, а впереди лежали еще нетронутые, неиссякаемые пласты жизни и дороги, дороги, дороги... Они были впереди, неизведанные, может быть, непроходимые. Но именно в этой тайне существовал художнический соблазн. Да, дорогу осилит идущий! И писатель, шаг за шагом, иногда по расхлябанным колеям и лесным просекам, неуклонно шел вперед. И не только одолевая тяжкий путь, а и пристально всматривался в лица людей, с которыми его сводила судьба на севере и на юге, замечал большое и малое, делал привал у осины при дороге, и не раз ему чудились за пыльными кубанскими бурями пылающие разноцветьем далекие белые снега.

Но этот момент в жизни ка-

ждого писателя наступает не только для того, чтобы оглянуться назад. Потому, что итоги итогами, а жизнь продолжается, и мудрая зрелость ищет выхода в постижении новых художественных вершин, которые властно влекут писательский ум и сердце.

Почти все, кто писал об Анатолии Знаменском, начинали разговор о его творческом пути с рассказа «Хлебный год», хотя он был далеко не первым печатным произведением писателя. И это, в какой-то степени, верно.

Конечно, автор не мог помнить тот хлебный, 1923-й, год, когда он родился на Дону, в семье бывшего конармейца. Но воспоминания детства наставляли одно на другое, и перед глазами вставала донская станица и тот ветреный день, когда отец и мать, еще молодые и сильные, веяли наконец уродившееся и долгожданное после голодных лет зерно, а оно сыпалось «все в одно место — плотно и окатисто, словно литая бронза».

Эту верность донским и кубанским станицам и станичникам писатель пронесет через всю свою творческую жизнь.

Итак, еще один «деревенский» писатель? Художник, которого многие критики в свя-

зи с деревенской тематикой и не в связи с ней ставили в свое время в один ряд с В. Астафьевым, В. Беловым, Е. Носовым? В известной мере это так, и стоять в таком ряду и лестно и почетно.

Но Знаменский начинал с другого. Его первый роман «Неиссякаемый пласт», опубликованный в 1950—1952 годах в журнале «На рубеже», был связан отнюдь не с деревенской темой.

А потом — романы «Ухтинская прорва», «Иван-чай», «Как все»... Это также романы о рабочем классе. Стало быть... Стало быть, Знаменского надо ставить в ряд писателей, которые разрабатывают тему рабочего класса, в ряд Вадима Кожевникова, Владимира Попова, Михаила Колесникова и более поздних — Олега Куваева, Юрия Скопа, Александра Проханова, Иосифа Герасимова?

А по какому «разряду» оценить такие шедевры, такие поэмы в прозе, как, например, «Прометей № 319», «Песнь песней» или «Панорама»?

Однако не будем спешить с этими «рядами» и «кобоймами». И дело совсем не в них, потому что, когда речь идет о художнике слова, эти «ряды» и «кобоймы» не только не проясняют, но порой затемняют ис-

торию современной литературы. Потому что, литература, по определению Алексея Максимовича Горького, — это человековедение, и главное состоит именно в изображении судьбы человека, его нравственных исканий и его нравственной крепости.

Об этом хорошо сказал сам Анатолий Знаменский. В статье «Убежденность»: «Морально-этическая тема в литературе живет и развивается постоянно, какую бы сторону действительности ни брал писатель в основу произведения. И роман о рабочем классе, со всем многообразием производства и быта, и повесть о хлеборобах, несущая в себе неповторимые приметы времени, особицу, аромат и сладкую тяжесть труда на земле, интересны читателю лишь в той мере, насколько глубоко и правдиво удалось писателю выявить нравственную силу личности, ее общественные связи и внутренние борения».

Ему не было еще восемнадцати лет, когда он оказался на крайнем Севере. Здесь он проработал столько же — восемнадцать лет! С древней и суровой землей коми, хранящей в своих недрах сказочные богатства, утопающей в таежных непроходимых лесах, связаны и первые шаги Анатолия Знаменского в литературе, и его крупные, изданные в Москве, произведения.

Он уже был известным писателем, когда в начале 60-х годов приехал на Кубань, и вскоре его захватила новая тема, родная и близкая по довоенному времени, — тема «сладкой тяжести» хлеборобского труда.

Я написал «вскоре» и подумал, как в таком «изложении» все просто. Нет, это «вскоре» было совсем не просто, это была новая дорога, по которой пошел писатель, сознавая всю сложность художественного освоения нового материала и новых впечатлений. Потому что кубанские станицы и хутора уже были совсем иными, чем два-три десятилетия назад, потому что выросло новое — другое! — поколение, которое мыслило масштабами своего времени и которое не знало горечи поражений военных лет.

Да и те, кто, пройдя через горнило войны, остались в живых и вернулись в родные станицы и хутора, тоже были другими. На плечи фронтовиков и молодежи легла вся тяжесть трудных послевоенных лет. Вновь обрела силу кубанская земля, но душевные раны не заживали, черная тень «похоронок» еще долгие годы застилала глаза до времени увядших и поседевших женщин.

И еще потому не «вскоре», что «недобитая контра» типа Кузьмы Недина, этого «заслуженного Раба Кора и витирана», внешне изменив свое классовое обличье и пользуясь в шкурнических целях демократическими законами советского государства, довольно вольготно разгуливала со своими клеветническими измышлениями по всевозможным «инстанциям», сбивая ритм нашей напряженной жизни, обливая грязью заслуженных людей.

Так были созданы повести и рассказы «Осина при дороге», «Обратный адрес», «Не белые снега», «Семь концов»... Этот список можно было бы продолжить.

Романы и повести Анатолия Знаменского густо населены людьми. Это — рабочие люди: нефтяники и геологи, буровики и лесорубы, агрономы и сельские механизаторы, бригадир и десятники, партийные работники и комсомольские вожаки, активисты и газетчики...

Писатель рассказывает об этих, героических по своей сути, людях со знанием дела, он сам прошел через многие рабочие профессии, был и десятником, и начальником отдела геологопоискового треста, и журналистом.

Вот почему герои его произведений своей жизнью и своим трудом страстно утверждают мысль, что человек обязательно должен что-то уметь и по-настоящему любить, тогда он будет нужен людям, тогда он обретет подлинное счастье и истинное чувство полноты жизни.

И вот почему писатель так непримирим ко всякого рода разгильдяям и хапугам, тунеядцам и лодырям, любителям «изящной жизни», которые пытаются, ничего не создавая своим трудом, пользоваться

всеми благами наравне с тружениками.

Таковы моральные и этические устои автора и главных героев его произведений: Якова Опарина и Андрея Новикова из «Ухтинской прорвы», Николая Горбачева из романа «Иван-чай», Павла Тернового из «Года первого спутника» («Как все»), Федора Чегодаева из «Обратного адреса», Николая Голубева и Любы Ермаковой из «Осины при дороге» и многих других.

Иван Чистяков из повести «Сыновья Чистякова» говорит: «Вот откуда нужно строить начало жизни: не позволять думать о себе много, не выпускать в мир человеческий брак... Уважать труд — всякий, везде».

Герои Анатолия Знаменского как бы выхвачены из жизни, их реалистическая достоверность вне всякого сомнения, «тайная» их художественной полноценности — в отточенном мастерстве писателя.

«Масштабы и человеческие характеры героев романа, — отмечал Виктор Астафьев, говоря о романе «Иван-чай». — Это не те примелькавшиеся мужички или мальчишки, которым только стоит бросить пить водку или снять узенькие брючки — и они вполне уже сойдут за «образцового советского человека»... Все у них происходит не «понарошке». И вот как будто сугубо «производственный» роман потрясает, берет за горло, душит слезами».

Творчество Анатолия Знаменского самым тесным образом связано с актуальными проблемами современности, с теми задачами, которые решает советский народ в эпоху развитого социализма. Эти проблемы писатель рассматривает в исторической перспективе, в их связи с интересами и помыслами миллионов тружеников. Он активно вторгается в жизнь, стремится заглянуть в завтрашний день нашего поступательного движения вперед.

Взять хотя бы его роман «Как все». Критика начала 80-х годов совершенно справедливо отметила, что в этом романе, написанном почти двадцать лет тому назад, была поставлена жизненно важная проблема,

связанная с поиском в рабочем коллективе новой, более совершенной системы организации и оплаты труда.

В наши дни, когда советские люди работают над претворением в жизнь решения партии о дальнейшем укреплении трудовой дисциплины и сокращении текучести кадров в народном хозяйстве, бригадный подряд, который внедрял в ремонтных мастерских герой романа «Как все» Павел Терновой, становится наиболее прогрессивной и рациональной формой организации труда и производства.

Об Анатолии Знаменском написаны книги и диссертации, его имя стоит рядом с именами других известных современных писателей в вузовском учебнике по истории русской советской литературы.

Однако, воздавая по заслугам Знаменскому — прозаику, исследователи не обратили внимания на его поэтическую и литературно-критическую деятельность, на его сборники стихов и книги литературоведческого характера, в которых мы находим анализ современной советской литературы, в том числе, — кубанской.

Никто не исследовал в его произведениях природу и художественную функцию юмора, которым писатель владеет великолепно.

Наконец, критики и литературоведы, на мой взгляд, не обратили должного внимания на то главное, что является сокровенной сутью, сердцевинкой его творчества — высоту и благородство нравственно-этического идеала.

Эта высота определяется прежде всего тем, что Знаменский любит людей труда, он желает им добра и счастья, мира и процветания.

Шестьдесят лет — это, конечно, шестьдесят лет. Но это не возраст для писателя, который всегда находится в поиске, в пути. Об этом говорят и опубликованные недавно главы его нового романа «Золотое оружие».

Потому что творчество «самодовлеет и безгранично» (М. Горький), оно не терпит застоя и прохладного отношения, оно требует отдачи всех сил, духовных и физических.

И мы верим, мы убеждены, что обильная жатва, которую Анатолий Дмитриевич Знаменский собирает в день своего юбилея, — это не остановка и даже не привал, а кратковременная передышка перед новой дальней дорогой.

Александр РОЗИН, доктор филологических наук, профессор.